

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ

N

11 (35)

МОСКВА

1927

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Октябрь и стенографы — И. Кантор	1
Десять лет — Р. Вексман	2
Октябрю стих. — П. Кувыркин	5
Сграниччики прошлого — С. Юдина	6
Хроника стендвижения на Киевщине — М. Холденко	10
Свежие воспоминания — М. Холденко	13
Харьков в 1919 году — А. Очаковский	15
Стенография на Полтавщине — А. Станкевич	16
В калейдоскопе А. Агаронян	17
Пароль «накладка» отзыв «Ноегород» — Я. Евфанов	24
Теневое и светлое — Н. Фалеев	25
Сибирь — Р. Шумилов	26
Стенография в Белоруссии — С. Сивельсон	27
Дорогу тюркской стенографии! — А. Шумский	28
Высшие Госуд. курсы стенографии — М. Лапекин	30
Московское научно-стенографическое общество — А. Юрковский	32

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Первоначальным планом редакции не был предусмотрен выпуск специального юбилейного номера, — вследствие чего редакция обратилась с просьбой о присыпке воспоминаний, фотографий и т. п. только к 3—4 наиболее крупным стенобъединениям.

Обилие получаемых с мест материалов побудило нас уже в процессе подготовки ноябрьского номера весь № посвятить 10-летию Октября, для чего понадобилось в срочном порядке затребовать еще ряд дополнительных материалов от различных лиц и организаций.

Краткость времени, имевшегося в нашем распоряжении, вызванный этим спешка, с одной стороны, ограниченность места в журнале, с другой, сильно осложнили работу и вызвали, возможно, целый ряд упущений, пробелов, к которым просим читателей отнести снисходительно.

Часть материалов, не вошедшая в этот номер, будет помещена в декабрьском номере журнала. Кроме того, январьский номер журнала будет посвящен десятилетию союза, и мы просим все коллективы и лица, имеющих исторические материалы о роли союза в развитии стенографии, о развитии стенографических организаций (не освещенные в данном номере), прислать таковые для помещения в январском номере.

Для сведения сообщаем, что на страницах, посвященных авторам систем, помещены все системы и разработки, выпущенные после 1917 г., кроме разработки М. Выгодского (систем Габельсбергера), присланной слишком поздно, грузинской и армянской стенографии в разработке Животовского, не приславшего образцов, несмотря на телеграфный запрос, узбекской, так как она была помещена в № 6 (30).

Что касается педагогов, мы лишины были возможности дать фотографии всех видных педагогов СССР, ограничившись теми материалами, которые были в нашем распоряжении.

РЕДАКЦИЯ.

Скотографий - наставник будущего.

ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ

ОРГАН ЦК ПРОФСОЮЗА СОСТОЯНИЯЩИХ

посвященный

представитель

стенографии

Год изд. 5-й.

Ноябрь 1927 г.

№ 11/35

Октябрь и стенографы.

Среди миллионных масс трудящихся празднует 10-летие великого Октября и скромный отряд стенографов. Ведь и для тружеников стенографического труда Октябрьская революция означала улучшение материально-правового положения и вовлечение, в качестве равноправных членов единой пролетарской семьи, в социалистическое строительство.

Вместе с тем великий Октябрь явился истинным Октябрем и в вопросах стенографии, как науки. До революции стенография была достоянием ограниченного круга лиц, занимавшихся стенографическим трудом и добывавших последним средства к существованию. Стенография, во всяком случае, не являлась вопросом, приковывавшим к себе внимание широких кругов общественности, а тем более государства. После того, как советская власть залечила раны, нанесенные народному хозяйству гражданской войной и интервенцией,— вопросы стенографии, вместе с общим развитием культурного строительства страны, стали предметом внимания государства.

И это вполне понятно: советское государство, строящее свое хозяйство на основе рационализации, на основе высших достижений науки и техники, не может мириться с недостаточным темпом работы государственного аппарата. В вопросах усиления темпа работы последнего, в вопросах «американизации» аппарата, в лучшем смысле этого слова, стенография призвана сыграть не последнюю роль.

Отсюда тот интерес к развитию стенографии, который был проявлен первоначально со стороны нашего профсоюза, являющегося застрельщиком в ряде вопросов улучшения госаппарата. Отсюда интерес, проявленный в дальнейшем к стенографии и со стороны соответствующих органов государственной власти.

Постановка вопроса об упрощении и унификации многочисленных систем стенографии, упорядочение стенообразования, постановка на очередь вопроса о введении стенографии в качестве предмета обучения в школах Соцвosa, организация общественного мнения вокруг стенографии,— всеми этими моментами отмечается период работы последних лет в союзных и государственных органах, связанных со стенографией и стенографическим трудом.

Намечающиеся в результате всех первоначальных мероприятий перспективы рисуют, таким образом, широкое развитие стенографии в государственном аппарате, популяризацию стенографии среди населения, что должно сыграть значительную роль в общем усилении темпа хозяйственной и культурной жизни советской страны.

Стенография уже сыграла огромную роль в этом отношении, что при ее помощи удалось запечатлеть для истории важнейшие моменты из борьбы трудящихся СССР за укрепление завоеваний Октября. Не меньшую роль стенография еще призвана сыграть в закреплении для грядущих поколений великой и сложной эпохи развертывающегося социалистического строительства.

Так участвуют стенографы своим трудом в гражданской стройке советской страны.

На ряду со всем этим, организация стенографов в одном профсоюзе дала возможность больше, чем когда-либо, изучить условия труда и удовлетворить потребности этой небольшой, но специфичной по своей работе группы трудящихся.

В новое десятилетие Октябрьской революции стенографы входят со значительным активом, в виде организации широкой общественной пролетарской стенографов, в виде ряда мероприятий, упорядочивших вопросы зарплаты, охраны труда и культурного обслуживания стенографической массы.

В результате ряда лет работы стенографов в общих рядах рабочего класса СССР на отведенном им ответственном участке госаппарата, в результате широко развернутой общественной работы среди стенографов в рядах профсоюза — остались далеко позади те сомнения и колебания, которые могли наблюдаваться кое-где в начальный период Октябрьской революции.

В развертывающихся боях за социализм стенографы СССР будут стойко стоять на своем посту, посту скромном, но столь же ответственном, насколько являются ответственными посты, занятые трудящимися на всех участках социалистического строительства.

И. Кантор.

1927

Десять лет.

Октябрь столько принес стенографам и стенографии, что за истекшие 10 лет в области развития стенографии в СССР мы добились большего, чем за все годы существования русской стенографии.

В свою очередь и стенографы внесли не малую лепту в общую со-кровищницу социалистического строительства.

Призыв Октября.

Небывалый подъем общественной жизни, лихорадочный темп нового строительства, стремление у пришедшего к власти пролетариата запечатлеть каждый шаг развертывающихся грандиозных событий,—все это сразу, с первых же дней Октября вызвало огромную потребность в стенографии, огромный спрос на стенографов.

И, естественно, что такая потребность вызвала творческую работу во всех областях стенографии: практики и теории.

Нельзя не отметить, однако, что не везде стенографы сразу отклинулись на зов Октября: в самом центре революционного движения — в Москве и Ленинграде, где стенографы были особенно нужны, значительная часть их, подобно большинству русской интеллигенции, не пошла сперва работать с большевиками.

Ответственная работа стенографов-практиков.

К счастью, эти колебания продолжались недолго и, переворачивая эту печальную, но и единственно мрачную страницу в истории стенографического движения в СССР, мы с радостью видим, что уже с первых дней 1918 года все стенографы не только находятся на своих постах, но в течение всех последующих лет выполняют такую необычайную по интенсивности работу, что она искушает ~~месяцы ошибок~~.

В годы общей разрухи, в годы невероятной расхлябанности советского аппарата, — в эти первые годы революции стенографы проявляют такую способность к организации, такую трудовую дисциплину, такую четкость и гибкость, которые только и объясняют, каким образом эта крошка армия

(в Москве и Киеве 25—35 человек, в других городах — еще меньше) справлялась с работой, для которой при нормальных условиях не хватило бы и сотен стенографов. В Москве и Киеве, а несколько позднее в Ленинграде, Харькове, Баку и нескольких других городах, где имеется хоть 5—10 стенографов, последние организуют специальные бюро для обслуживания съездов и учреждений.

Взятие на учет каждой единицы, установление железной товарищеской дисциплины, не допускающей никаких «срывов» работы, молниеносная переброска с одного съезда на другой,— с одной стороны, и, с другой стороны, ежедневная работа по 10—16 часов в сутки, без праздников, без дней отдыха, в условиях холода, недоедания и пешего хождения по городу,— вот что дало возможность стенографам записать историю красного десятилетия.

Подготовка смены — работа педагогов.

Недостаток стенографов пробудил организационные и творческие силы в области педагогики и создал огромную тягу у молодежи к изучению стенографии. Стихийно, в зависимости от места нахождения и энергии разбросанных по СССР одиничек — старых педагогов и отдельных практиков-стенографов, стали возникать курсы и кружки по обучению стенографии. Курсы скапливались с огромными трудностями, так как не было средств, не было помещений, не было квалифицированных педагогов (последних и сейчас насчитывается по СССР около ста, а тогда было и того меньше и им приходилось обычно бывать одновременно и чуть ли не единственными практиками в городе и организаторами курсов и преподавателями).

Пусть обучение на этих курсах, в силу указанных причин, велось кустарно, пусть процент оканчивающих курсы в первые годы революции был очень невелик, пусть многие из окончивших были не всегда подготовлены к съездовской работе,— все же, эти подкрепления, подоспевшие сравнительно в короткий срок (1920—23 гг.), были как нельзя более кстати, чтобы дать передышку измученным старшим товарищам.

В дальнейшем, когда жизнь стала входить в свою колею, можно было развернуть и методическую работу, можно было заняться и упорядочением стенообразования и повышением квалификации выпускаемых стенографов. И в этой работе, у курсов имеются большие достижения, достигнутые ими, главным образом после I Всесоюзной конференции стенографов (март 1925 г.) при активной поддержке союзных органов и органов Наркомпроса.

Научная работа.

Работники стенографии не довольствовались только «выпечкой» стенографов — они неустанно работали над совершенствованием систем. Целый ряд новых систем и многочисленные переработки старых систем были ответом наших теоретиков (в подавляющем большинстве являющихся педагогами или практиками) на призыв Октября дать во что бы то ни стало стране стенографов-«речеписцев», которым были бы не страшны никакие ораторы-«пугалеты».

То обилие систем с установкой на речепись, которое сейчас тормозит дальнейшее развитие стенографии, для которого требуется и более общедоступные и более однообразные системы,— имеет огромную историческую заслугу в том, что оно дало возможность подготовить стенографов с прекрасной техникой, превосходящей подчас технику западно-европейских стенографов.

Второй этап научной работы в области стенографии начинается уже после 1925 г. и знаменует собой поворот в сторону объединения (унификации), отбора систем, в сторону упрощения их и создания унитарной системы. Этот этап работы, еще не законченный, проходящий довольно болезненно, в силу большой ломки, с которой он связан,— однако, имеет уже некоторые достижения.

Национальная стенография.

Чувство невольной гордости возбуждают наши успехи в области национальной стенографии. Несмотря на молодость русской стенографии, несмотря на ограниченное количество стенографов и перегруженность их работой,— советские стенографы сделали все от них зависящее, чтобы подойти вплотную к обслуживанию национальных меньшинств.

Совместными усилиями стенографов-практиков, вынужденных в процессе своей работы приспособляться к национальным языкам, и преподавателей стенографии возвращаются стенография украинская, белорусская, еврейская, тюркская, грузинская, армянская и даже узбекская... Все это не миф, не мыльные пузыри «юбилейного» характера,— а живая действительность. Правда, о применении армянской стенографии мы сведений еще не имеем; правда, в области тюркской стенографии пока еще делаются робкие попытки преподавания в кружке. Но преподавание узбекской стенографии на курсах Талипрофобра дало в 1926 г. нескольких стенографов-практиков из среды коренного населения, обслуживающих уже несколько съездов, еврейская стенография довольно успешно преподается в Минске на специальных курсах еврейской стенографии с января 1927 г.; в этом учебном году открылись курсы белорусской стенографии в Минске и грузинской стенографии—в Тифлисе. И уж никаких сомнений не вызывает украинская стенография, преподавание которой второй год как введено в учебные планы госкурсов Харькова и Киева.

Создание национальных стенографических систем для народов, часть которых только при Советской власти получила свой литературный язык,— огромная заслуга советской стенографии.

Отношение государства к стенографии.

Советская власть, в свою очередь, сделала все возможное, чтобы облегчить тяжелую работу стенографов. Предоставление стенографам усиленных пайков, дополнительной жилой площади, освобождение от трудовой повинности и множество других льгот в период военного коммунизма подчеркивают, как ценило государство стенографов. Эти законодательные льготы сопровождались всяческим вниманием со стороны администрации съездов и учреждений, старавшихся снабдить стенографов пайками, одеждой, обувью, трогательно стремившейся «подкормить» стенографа лишним бутербродом на съезде, подвезти его домой на машине и т. п.

При переходе к мирному строительству завоевания стенографов еще более увеличиваются и закрепляются: предоставление двухнедельного дополнительного отпуска, 16-недельного отпуска во время беременности и родов, ограничение часов стенографирования определенной нормой рабочего времени, проведение социального страхования, сравнительно хорошая оплата труда,— все это говорит о том, что даже в условиях нашего еще бедного государства советские стенографы получили больше внимания и оценки, чем в Западной Европе.

Наконец, в последний период государство обратило внимание и на проблемы стенографии. Выдвинутый стенографами еще на 1 Всесоюзной конференции лозунг «внедрения стенографии в соваппарат», находит поддержку у НК РКИ и НК Труда.

Одновременно Наркомпрос включает вопросы стенобразования и разработки научных проблем стенографии в план своей работы и тем обеспечивает дальнейшее правильное развитие стенографии в нашей стране.

Роль союза.

Размеры статьи не позволяют нам очеркнуть исчерпывающим образом роль союза как в улучшении материально-правового положения стенографов, так и в развитии стенографии в СССР. Достаточно указать, что все завоевания стенографов были сделаны через союз и при помощи союза.

Не говоря уже о том, что всех перечисленных выше льгот, предоставленных стенографам государством, добился союз,— не говоря о том, что вопросу внедрения стенографии, как одному из крупных вопросов экономработы, союз уделяет большое внимание, даже в таких областях, которые, казалось бы, имеют отдаленное отношение к союзу, в вопросах научного порядка, методического порядка,— всюду и везде союз являлся главной опорой стенографов, главным союзником их.

Союз оказал огромное влияние на весь ход развития стенографии в нашей стране, он сумел внести плавность в стихийное развитие стенографии и, наметив основные вехи этого развития, сумел обратить внимание государства на важность проблем стенографии.

В отношении стенографии союз проявил большую гибкость и чуткость: чтобы лучше добиться разрешения всех вопросов, стоящих перед стенографами, союз отошел от производственного принципа объединения, объединив всех стенографов в одном союзе. В результате, вместо разрозненных, распыленных по отдельным союзам одиночек-стенографов, оторванных от общественной жизни, мы имеем 33 объединения стенографов с большим активом, втянутым в общесоюзное и социалистическое строительство.

При помощи лучшей части этого актива союз делает стенографию не цеховой проблемой, а проблемой государственной важности.

Пройденный путь чудесен, но не мало еще впереди.

Нести стенографическую грамотность в широкие массы трудящихся и тем самым участвовать как в рационализации советского аппарата, так и в поднятии культурного уровня страны,— вот задачи, стоящие перед стенографами.

Можно быть уверенным, что советские стенографы,— теоретики, педагоги и практики,— справившиеся с ответственной работой в первые годы революции, разрешат и задачу создания общедоступной системы стенографии и массового нахождения стенографии.

Р. Вексман.

Октябрь.

**

Великих дней горячее дыханье,
Беликих бурь стремительный приход.
На гребне их, на их великой грани,
Я зашишу Октябрьский переход.

**

В немых значках я счет десятилетию
Ревниво вел и в лице стенограмм
Твое лицо приветливо я встретил,
Твое лицо моих фразеограмм...

**

Значки... слова... слова-иероглифы...
И каждый штрих понятен мне и мил.
О, мой народ, потомок древних скитов,
В немых значках я любовь к тебе издил.

**

О, мой народ, шагами твердой стали
Шагай и впредь десятками годов.
Перед тобой замеченные дали,
С тобою гул рабочих городов.

П. Кувыркин.

ВОСПОМИНАНИЯ.

СТРАНИЧКИ ПРОШЛОГО.

Прошло десять лет Октябрьской революции.

Особенно трудными были годы 1918—1920, когда Советская Россия была окружена тесной блокадой врагов, когда на всех фронтах гремели еще пушки и пулеметы, когда внутри приходилось бороться с разрухой, голодом, а вместе с тем на обломках старого воздвигать новое.

В эти первые революционные годы большую, тяжелую работу пришлось вынести и московским стенографам.

Я уже писала об этой работе в № 1 журнала «В. С.» (январь—март 1923 г.). Я писала о том, что условия работы стенографов резко изменились по сравнению с дореволюционным временем. От стенографа потребовалась большая скорость, в виду того, что более быстрый темп общего развития жизни всегда влечет за собой ускорение речи и «гигиенические» ораторы, как называют французские стенографы медленных, спокойных ораторов в 90—100 слов в минуту, сменились «пулеметами» в 130—150 слов. От стенографа потребовалось большее общее развитие и знакомство с политическими, профессиональными, научными, литературными и др. вопросами, ориентировка в вопросах повседневной жизни, в виду того, что ставились все новые вопросы и требовалась переоценка всех ценностей, при чем стенограф не должен был растеряться от разнообразия вопроса, когда ему приходилось утром писать по вопросам одной области, вечером — другой.

Особенно ярко пришлось в то время выявить стенографам характерные черты своей профессии — выносливость и самообладание. Небольшое количество стенографов, работавших в то время в Москве — 25—35, должны были обслуживать по 3—4 стенографических работы в день, занимая при этом по несколько постоянных мест в учреждениях. Им приходилось работать по 5—6 и более часов подряд при записи с последующей расшифровкой, приходилось проводить съезды продолжительностью в несколько дней с утра до поздней ночи с парламентской расшифровкой, при чем не было дней отдыха, а только несколько часов сна в сутки. И это при общих условиях работы — плохо освещаемые и отопливаемые

помещения, скучное и нерегулярное питание, хождение пешком на работу.

Такую работу стенографы могли вынести в те годы только потому, что все они были хорошо организованы еще с 1917 г. в стенографическое профессиональное объединение (см. мою статью в № 5 «В. С.» за 1927 г.), имели рационально поставленное Бюро стенографов, распределяющее равномерно работу между стенографами. Члены нашего профобъединения были спаяны строгой трудовой дисциплиной, сознанием лежащего на них долга и пониманием значения переживаемого момента.

Насколько эта работа стенографов нашла себе оценку у вождей революции, мы видим из нескольких воспоминаний стенографов, например, об отношении тов. Ленина к стенографам, давшим распоряжение поставить им вне очереди 10 телефонов. Затем в «В. С.» (№ 1 и 2 за 1923 г.) приведены были «Мысли общественных и политических деятелей Советской России о стенографии» — тт. Чичерина, Томского, Семашко, Луначарского, Троцкого, Калинина, Красина, Аржанова, Керженцева. Все они отдают должное стенографии и стенографам. Все они имели возможность пользоваться работой стенографов, были с ней знакомы.

Мне вспоминаются два характерных случая за время нашей работы в 1918—20 гг.

Уже 8-й день идет съезд ВЦСПС. В те времена на съездах выступали представители различных политических группировок, велись страстные прения по различным вопросам. 12 часов ночи, а записалось еще 60 ораторов да предстоит еще заключительное слово докладчика и содокладчика — от другой группировки. Стенографов — только 3, ибо 4-я ушла в 10 час. вечера на ночное дежурство для работы с т. Чичериным. Все остальные стенографы работают на других съездах и больше ждать помощи неоткуда. Они изнывают от усталости. От каждой очереди остаются нерасшифрованные «хвосты». Стали подсчитывать: если записать все, то и до утра не кончить; если на расшифровку «хвостов» — 2 часа, на запись заключительного слова не менее 1 ч., на расшифровку — 2 часа, всего еще 5 час. Уже 12 час. Окончат — в 5 час. утра. Итти пешком одной в Замоскворечье, дру-

Московские стено́графы (1918—1927 гг.).

Сидят слева направо: Н. Жарновская, Р. Турубинер, С. Юдина (пред. стенообъединения 1917—1923 гг.), Е. Левицкая (1-я зав. Бюро), А. Загорская, Е. Скрыченко (зав. Бюро 1924—1927 гг.), М. Чубок, О. Парпугти, Ю. Строева; стоят слева направо: М. Одинцова (Рязанова), М. Опарина, А. Каменева, Е. Наследкова, А. Бандренко, А. Фудель (зам пред. стенообъединения 1917—1923 гг.), В. Цейдлер, Венгерова, О. Росслякова, В. Кюльшвейн, О. Клевцова, В. Аверсия, Р. Вакман (с 1925 г. на профработе в Центральном Комитете ССТС и ответственный редактор журнала).

Кроме случайно незаснявшихся здесь тт. Е. Алларт, О. Грацианской, М. Игумновой, Э. Лемберг, Р. Ройз, С. Рождественского, умерших О. Горбуновой и А. Ребровой, первично-больной С. Гольдберг,—только имеющейся группы ЦИК'овских стено́графов,—на этом снимке представлены все московские стено́графы, вынесшие тяжесть работы в первые годы революции на своих плечах. Все они работают и в настоящее время или в учреждениях или в Бюро.

гой на Божедомку, а завтра снова на съезд!

Вызвали секретаря съезда. Он согласился на то, чтобы прения больше не стено́графировать, сесть за расшифровку остатков, а когда начнутся заключительные слова, то позвать стено́графов в залу. Тихо вошла стено́графистка в залу, сняла другую, писавшую, и все засели расшифровывать «концы». Напряженно идет работа... Вдруг в комнату быстро входит один из членов президиума, видный представитель профдвижения, и раздраженно спрашивает:

— Почему стено́графы бросили работать? Это саботаж! Я не допущу. Я отправлю вас...

Но не успел он досказать фразы и никто не успел ему объяснить в чем дело, как одна стено́графистка вскочила, схватила пальто и шапку и крикнула: «Куда отправите? в ЧК? с удовольствием. Там отдохну от нашей каторжной работы».

— Я вас отправлю на снежную повинность — кричал он.

— Хоть к черту на кулички. Везде легче, чем на нашей работе — кричала она.

Другие стено́графы также были возмущены таким несправедливым отношением, нежеланием разобраться в обстоятельствах дела. Он ушел. Стено́графы позвонили по телефону мне, как председателю Стенсекции, спрашивая, как поступить. Я ответила, что они обязаны работать дальше, а мы от имени Комитета напишем заявление в президиум съезда. Я только что пришла сама со съезда, усталая до синяка, но пришлось составлять заявление, потребовав у заведующей Бюро сведения, почему стено́графов было только 3, где работали остальные, чтобы заявление было подкреплено данными. Наше заявление было на другой день заслушано в президиуме съезда и было предложено товарищу,

Стенографы ЦИКа во время перерыва заседания у стен Кремлевского дворца.

Здесь представлено основное ядро штата стенографов ЦИКа, проработавших на всех съездах, съетах и сессиях ВЦИКа и ЦИКа с 1918 по 1927 гг. Слева направо: 1-й ряд—Л. Риждественская т. Моисеева, М. Кузько, А. Пригорная; 2-й ряд—В. Острумова (с 1925 г. на партрабте), Ласеман, С. Каминская, О. Бискуповская; 3-й ряд—Н. Кудрявцева, Ю. Стрева.

оскорбившему стенографов, дать стенографам удовлетворение в письменной форме. И вот в материалах нашего профобъединения имеется письмо этого товарища, в котором он указывает, что не знал всех обстоятельств дела, а также соглашения с секретарем, и извиняется перед стенографами.

И другой случай. Мы, правление Стенсекции, в количестве 4 членов, собрались на заседание правления. Заведующая Бюро, как обычно, делает внеочередное заявление. Ей звонили по телефону час тому назад из секретариата тов. Томского, что надо застенографировать, кроме пленума ВЦСПС, который начинается вечером и на который уже назначены стенографы заранее, заседание фракции, которое начинается через час. Заведующая отказалась в посылке стен-фов. Стенографы все в разгоне на других работах. Послать некого. На наш вопрос, какой выход заведующая предлагает, она ответила, что только члены правления, т.е. мы и она можем пойти на работу. Мы отвергли это предложение. У нас были срочные вопросы. Опять звонок по телефону:

— Будут стенографы?

— Нет.

— От имени тов. Томского объявляю, что вам придется иметь тогда дело с ЧК,— и положил трубку.

А через пять минут опять звонок:—С вами говорит из ЧК. Стенографы обязаны обслу-

жить заседание фракции на пленуме ВЦСПС, иначе будут приняты соответствующие меры.

Мы не испугались, но решили пойти на заседание и самим объяснить все тов. Томскому, высказать ему, что мы обижены угрозами, что здесь не саботаж, а что здесь упущение секретаря, который не выяснил заранее необходимость стенографирования заседания фракции, тогда можно было бы иначе распределить стенографов или назначить наше заседание правления раньше утром, что нас снимают с профессиональной работы, которую мы обязаны выполнять как выборные, что работники других профессий, избранные на профработу, освобождаются от выполнения своих должностей, а мы обязаны нести двойную работу, так как нас, стенографов, очень мало.

Мы пошли на работу угрюмые, раздраженные. Мы хотели поговорить с тов. Томским еще до заседания, но оказалось, что он уже давно там, сидит в маленькой комнатке за голубой залой Дома Союзов и уговаривает, мирит представителей двух группировок, никак не могущих притти к соглашению о выборе будущего правления ВССПС. Проходят часы томительного ожидания. Мы успели в это время решить кое-какие вопросы. Тов. Томский вышел окруженный толпой горячо спорящих товарищами,шел усталый, расстроенный, и мы не решились его утруждать разговором о нашей маленькой обиде.

Молча, даже не сговариваясь, мы пошли в зал работать. Тов. Томский сказал большую речь и сразу страсти делегатов улеглись, началась спокойная, деловая работа. И вдруг мы видим, что тов. Томский вышел на лестницу и стоит в дверях нашей расшифровочной, закуривает папироску. Лицо у него серое, измученное. Но мы все таки воспользовались этой минутой и рассказали суть дела.

— Вас обвиняют в саботаже? Я не знаю ваших фамилий, но лица стенографисток мне знакомы. На всех съездах я всех вас вижу. Кто мог вамгрозить ЧК от моего имени? Не понимаю.

А маленький, юркий молодой секретарчик уже тут — Это я, — робко говорит он —, потому что ничего другого не оставалось делать, как обмануть их. Они не шли. Они отказываются у нас работать, потому что

мы не даем пайка, а они привыкли на других съездах получать пайки».

Мы возмутились и объяснили тов. Томскому, что все профессиональные и партийные съезды мы обслуживаем, не получал пайков, в порядке профдисциплины, по очереди, пайки же получаем со съездов представителей хозрасчетных предприятий, все пайки сдаем в общий котел и делим их пропорционально работающим в данное время на всех работах. Он выслушал нас и мягко сказал: — Не понимаю, в чем тут вопрос? И мы работникам наших профорганизаций даем пайки. Почему бы и вам не дать тов. С..., вы распорядитесь.

Мы поблагодарили, отказались, но просили только одного: отстранить этого секретаря от заведования стенографической записью. И больше мы его никогда не видели.

С. Юдина. П

Наши помощники.

Съездовые машинистки моск. бюро стено-
графов, работающие с 1918 г.

Работники стенографии — наши самые близкие помощники.

М. КАЛИНИН.

Для каждого из нас стенографистка или стенографист есть самый близкий и верный сотрудник.

Стенография становится существенной и необходимой функцией общественной жизни Советского государства.

Г. ЧИЧЕРИН.

Группа киевских стенографов, работающих с 1917 г. по 1927 г.
Сидят (слева направо): М. Холоденко, А. Слоним, А. Герштанская, Л. Гринер. Стоят (слева направо): И. Перлин, Н. Мизрухин, Т. Кузнецова и Я. Фридман.
К сожалению, часть стенографов, работающих с 1917 г., не могла быть сейчас заснята.

1917—1927

Хроника стендвижения на Киевщине *).

В марте 1917 года в Киеве был организован Стенографический институт В. Т. Иванова с 3-месячным общим курсом обучения и дополнительным—«парламентским» в 2 месяца. Летом того же года при Институте было организовано «Первое Всеукраинское Стенографическое Бюро» во главе с Ивановым. Это Бюро, в состав которого входили, главным образом, ученики Иванова, занималось исключительно посылкой на работу.

Помимо курсов Иванова, существовали еще курсы Трутовой, а в 1918 г. были организованы курсы П. И. Красильникова.

Спрос на стенографические силы резко повысился после Октябрьской революции. Требования поступали в Бюро почти ежедневно. Работающих стенографов насчитывалось 35 чел., но квалификация их была

очень низкая и поэтому они посыпались на работу в парах. Из стенографов с более высокой квалификацией тогда работали—А. С. Герштанская (по системе Штольце), Б. Ф. Бойко (система Габельсбергера), Грибова-Шепелева (система Черемисова), которая за свою квалификацию была прозвана «Шаляпином от стенографии» Гольдберг.

В 1918 году был проведен ряд съездов. Стенографы усиленно продуцировались называемыми выше курсами, а позднее и курсами, организованными Животовским. Количество стенографов значительно возросло. Назрела необходимость организоваться.

На организационном собрании, состоявшемся в марте 1919 года, присутствовало 55 чел. Председателем собрания был Иванов, секретарем Аничков. На этом собрании было положено начало «Киевскому Союзу Стенографов». В правление союза вошли представители разных систем: Терпе—Иванов (председатель правления) и Левшин; Красиль-

* Значительную часть фактических данных сообщили мне тт. Слоним, А. Я. и Левшин, Н. И., последний, кроме того, дал сведения о курсах стенографии. М. Х.

никова—автор; Штольце—Герштанский (товарищ председателя); Трутовой—автор. Секретарем правления был выделен Аничков. Члены союза вносили ежемесячные членские взносы. Союз имел свою печать. Помещался он при Институте Иванова. Деятельность союза ограничивалась распределением работ между своими членами. Просуществовал этот союз до августа 1919 г. и распался в связи с переходом Киева в руки Деникина.

Союз снова возобновил свою работу в начале 20-го года. Теперь он имел уже собственное помещение по Крещатику (ул. Боровского), 25. Во главе союза стояли—Гольдберг (председатель) и Мойжес (секретарь). Казначеем была тов. Слоним. Союз широко открыл свои двери для всех окончивших курсы стенографии—им для вступления в союз требовалось достать две рекомендации членов союза. Союз имел свою печать и штамп, а также отпечатанные в типографии членские книжки.

Союз существовал на 5% отчисления с работы. Он занимался, главным образом, посылкой на работу своих членов. Этот союз просуществовал до мая 1920 года, когда в Киев пришли поляки. С этого момента надолго заглохли всякие попытки объединения стенографов.

Курсы стенографии, однако, все время не прекращали своего существования. Иванов прекратил преподавание на курсах с 1919 г. С этого времени до 1920 года курсы находились в ведении Н. И. Левшина, а в октябре 1920 годы были переорганизованы в государственные, на которых обучение было бесплатное, а слушателям выдавался паек. Организаторами этих государственных курсов были—Смирнов, Красильников, Левшин и Зюскин. Сразу было организовано 5 групп. Преподавание велось по системе Терне. Курс обучения в 1920 году уже был продлен до 1 года (6 месяцев—общий, 6 месяцев—парламентский), слушатели парламентского курса посылались тройками и парами на работу.

В 1921 году курсы перешли в ведение союза совработников. С этого момента на курсах занимались только члены названного союза. Количество групп сократилось.

В 1922 году курсы переходят на самоокупаемость, однако, получают частичную dotацию как от союза совработников, так и от других союзов.

В 1923 году они вынуждены были перейти на полную самоокупаемость.

1923 год—незабываемая дата в истории киевского стенографического движения.

В этом году успешно возобновляются попытки объединения стенографов. Энергичная инициативная группа из 3 человек (Абрамов, Бойко и Герштанская), считая, что съездовые стенографы по характеру своей работы наиболее близки к работникам печати, пишут одну за другой докладные записки и бурируют перед правлением губотдела работпрос вопрос о профобъединении стенографов. В газете появляется объявление за подписью секретаря секции работников печати Я. Курта о регистрации стенографов, имеющей целью установить наличный состав стенографов Киева. Стенографические силы, разрозненные и распыленные, потянулись в союз работпрос. Зарегистрировано было 88 человек. В мае подверглись испытанию (диктовка на 90 слов в течение 10 минут) 41 человек. Удовлетворительный результат был у 14. На 15 августа 1923 года в коллективе было 17 человек.

Профуполномоченный коллектива сперва был избран Герштанская, а на последних перевыборах в 1924 году—Гринер. При профуполномоченном существовало Бюро из 3 человек. За время пребывания в союзе работпрос членами Бюро в разное время состояли: Абрамов, Бойко, Гринер, Гетманчик, Холоденко.

С момента объединения стенографов при союзе работпрос стендвижение сразу окрепло. Впервые был выработан и утвержден правлением тариф на стенографическую работу. Интересно отметить, что норма стенографической работы для стенографов-служащих была намечена в 24 часа в месяц. Интенсивно работала экспертная комиссия, производившая испытания и переиспытания стенографов. Развернулась культурная работа. После нескольких лет раздробленности и разобщенности стенографы так ценили свое объединение при союзе работпрос, что когда—после известного циркуляра ВЦСПС коллектив должен был перейти в союз совтогслужащих, этот момент сознательно оттягивался и только в октябре 1924 года коллектив перешел в наш союз.

На первом же общем собрании был избран комитет. Информации о работе комитета на страницах «В. С.» уже давались. Маленький институт, первый камень которого заложил в 1917 году Иванов, к 1927 году вырос в мощную школу с 11 преподавателями, а курс обучения с 3 месяцев увеличился до 1 года для стенографов 4-й категории (в 75 слов) и полтора года для стенографов 3-й категории (90 слов). Уже сейчас на одном стенографическом курсе—хотя, прием не закон

чился,—имеется 100 человек. Цифра для Киева внушительная. Она свидетельствует об огромнейшей тяге к стенографии и о громаднейшем интересе, проявляемом к этому—уже не новому в 1927 году—искусству.

Киев за эти 10 лет много раз переходил из рук в руки—в нем побывали и гетман, и Деникин, и Петлюра, и поляки... Все они, подавляя пробудившиеся общественные силы, рикошетом расшибали нароставшую стенографическую волну. Но так же неизменно каждый приход советской власти сопровождался оживленным спросом на стенографическую силу. Детище революции—русская и украинская стенография с точностью миллиамперметра отражала нарастание и падение революционных зарядов. Как только прочно установилась власть советов, спрос на стенографию сразу подскочил на небывалую высоту. Оплодотворенная Октябрьской революцией стенография свила себе прочное гнездо, из которого она теперь уже не вырывается.

Капля за каплей, изо дня в день подтачивается камень консервативного недоверия, проявляемого еще очень многими к стенографии. Ложно трактуемый режим экономики, квази-расчетливая бережливость и хозяйственность—явление далеко не редкое, говорят о нежелании, неумении использовать стенографию в канцелярии. Обоими кулаками приходится поэтому комитету стучать в глухие стены советских учреждений, но общими усилиями комитетов,—вселяющей бодрость в сознание стенографов такими ценными достижениями, как всем нам известные постановления Наркомтруда,—и курсов, берущих ориентацию на стенографов с дополнительной специальностью,—мы эти стены пробьем. И поэтому во второе десятилетие Октября мы вступаем с уверенностью в том, что за стенографией признают не только завоеванное ею право на жизнь, но и право на любовь.

М. Холоденко.
Киев.

Педагоги по сист. Терне Киевских госкурсов стенографии.

Н. Зюскин.

Л. Короленко.

Н. Левшин.

П. Красильников.

Перевод украинского текста.

Роль стенографії у сучасному житті
останні ведика, що ступінь її розвитку
є покижчиком зростання культури і громад-
ського життя.

М. Томський.

*"Діє вчительство, які - в
- чекаючи з розбуд. у мі."*

Свежие воспоминания.

1918 год.

Безделушка домовладельца.

Ежели у человека квартира есть, и ежели у него душа с запросами, то, разумеется, он в своей квартире разных безделушек понаставит.

Ну, а ежели у него целый дом или несколько домов?

Тем более.

Это настолько ясно, что совершенно не приходится удивляться, зачем I Всеукраинский съезд домовладельцев пригласил стенографов. Их было пятеро. Все они одновременно записывали одни и те же речи. Если кто-нибудь из пишущих уставал, он на несколоко минут бросал карандаши и слушал истины, изрекаемые «славным» сподвижником Виталия Шульгина — махровым монархистом Савенко или его коллегами.

Съезд продолжался два дня. Расшифровка — несколко больше — месяц. Если скажем в начале мая 1918 года был съезд, то в начале июня того же 1918 года все абсолютно речи уже были расшифрованы.

Об этом съезде мне рассказал работавший на нем, тогда еще начинающий стенограф, Я. И. Фридман.

— А сколько у вас машинисток было, — полюбопытствовал я.

— Зачем машинистки? — удивился Фридман, — мы все от руки переписали.

— А не было ли нареканий со стороны домовладельцев на несколко запоздалую сдачу стенограмм? — осторожно спросился я.

Мой собеседник снова удивился:

— Зачем нарекания? — Ведь все выступления, помимо 5 стенографов, записывал один опытный секретарь-протоколист. Мы все брали у него нужные нам данные для заполнения пробелов в стенограмме...

Домовладельцы — народ практичный: безделушки нужны, но они — только безделушки. Вот почему, помимо стенографов, сидел надежный секретарь-протоколист.

Домовладельцы оказали стенографам безграничную любезность, но... ни крупицы доверия.

Лето 1918 года.

Если бы Илья Эренбург присутствовал на 1-м Всеукраинском съезде инвалидов (лето 1918 года), он глотнул бы порцию жути, несравнимую с изысканными ужасами его «лета 1925 года».

— Для чего я потерял свою ногу? — страстно вопрошает с трибуны безногий оратор.

И все пять стенографов — Гриппер, Короленко, Манилов, Фридман и бывшая баронесса фон-Рауш — дружно догоняют безногого:

— «... свою ногу».

Вслед за этим оратором на трибуне появляется безрукой, горячо жестикулирующий уцелевшей рукой.

Его сменяет слепой, у которого вырываются слова безнадежного отчаяния:

— Лучше быть сразу безруким и безногим, чем слепым.

Жертвы империализма одна за другой поднимаются на трибуну и кидают в зал, пропитанные теплой кровью слова.

Гетманский министр Колокольцев пытается многогречизой помпезностью охладить страсти. Он преподносит собранию короб обещаний от имени «ясновельможного пана гетмана».

Расшифровка этого съезда, продолжавшегося 7 дней, происходила в течение месяца. Бывшая баронесса оказалась «ничего себе» машинисткой. Она напечатала под диктовку 4 ртов инвалидные речи.

1920 год.

Кто чем страдает?

— Кто страдает ложкой?

— Кто страдает тарелкой?

— Кто страдает первым?

Юркие официантки ныряли между столами, за которыми навалились в шинелях и фуражках делегаты 1-й Красноармейской конференции. Это было зимой холодного 1920 года. Маленькая столовка на ул. Ленина (тогда еще Фунду克莱евской) была набита через край. Шум журжал в ушах. Людская гуща тесно сгрудилась. За спиной каждого обедающего стояло 3—4 делегата, ждущих своей очереди. Время от времени они подталкивали в спину обедающего, добродушно «намекая» ему:

— Кончай, братишка...

Или — глотай, глотай...

Каждый глоток черного супа, каждый ломоть невыпеченного хлеба, каждая ложка дымной пшенной каши отправлялись в рот обедающего, подгоняемые со всех сторон выразительными взглядами тех, кто ждал своей очереди.

Сквозь незакрывающуюся дверь в столовку притиснулись стенографистки и бес-

помощно закружились в живом водовороте. Они заметили очереди за всеми обедающими и рвущиеся из рук тарелки. Прорезая общий шум, до них долетали хриплые голоса официанток, певших на все лады:

— Кто страдает кашей?
— Кто страдает хлебом?

Стенографисткам казалось совершенно невозможным пообедать и не опоздать на вечернее заседание. Талончики на обед бессмысльно болтались в отмороженных пальцах. Неожиданно настойчивая рука завхоза конференции растолкала массивную людскую стену, открыла какую-то дверь и представила стенографистку румяльному повару в колпаке. Этот «околопаченный» человечек грозно ворочал огромнейшую ложкой, опущенную в котел с пузырящейся жижей. Он величественно указал стенографисткам на скамейку и на стол, недалеко от плиты, приглашая занять места.

Обстановка для спокойного обеда была обеспечена. Порции подавались в избытке — заботливый повар постарался, чтобы стенография не «страдала» ни первым, ни вторым, ни тарелками, ни ложками...

Симпатии представителям стенографии были проявлены своеобразно, но в данной обстановке это был наиболее реальный способ их проявления — найти тихий уголок среди бушующего моря голодных людей.

Мармелад.

Конференция происходила между 9-м и 15-м декабря. Платили по 3.000 рублей в час. Фунт хлеба тогда стоил 300 рублей, стакан чаю с сахаром — 150. Таким образом, за час стенографирования мы получали 10 фунтов хлеба или 20 стаканов чая. Кроме того, нам выдавали продовольственные карточки на завтрак, обед и ужин и билеты в театр. Стенографов было 6 человек: Гедрайц, Кузнецова, Иташкина, Перлин, Фалькович и я; машинисток — 3. Издавался ежедневный бюллетень конференции.

После одного из утренних заседаний я и И. Г. Перлин вышли из зала быв. Купеческого собрания, где происходила конференция, и направились в столовку. По дороге мы встретили тов. Гедрайц. Эта стенографистка в валенках, в меховой шапке и мужском пальто (теперь она — профессор-хирург Киевского медицинского института) сразу нас ошарашила:

— Идите скорей, — сегодня мармелад выдают...

Действительно в столовке выдавали по продовольственным карточкам сладкую пастилу. Вечером вся конференция дружно облизывалась. Стенографы тоже.

Паен.

Пайки выдавались тогда почти на всех съездах. Вспоминаю съезд комиссаров и политруков. Это одна из первых моих работ. В виду большой ответственности и малой уверенности в своих силах, мы писали по трое, потом стенограммы считывали дома, переписывали начисто и лишь тогда диктовали машинистке. Особенной скоростью такая работа, конечно, не отличалась, но через несколько дней после закрытия съезда мы сдали все стенограммы, облегченно вздохнули и направились подписывать счет. Военкомбрит 36 наложил резолюцию «уплатить».

На долю каждого из стенографов (кроме меня, там работали тт. Мизрухин, Ремезова, Перлин и Лерхе) пришлось 4.500 рублей и еще целый хозяйствственный склад: полфунта сахара, 1 ф. крупы, 3 ф. мяса, 4½ ф. хлеба, а главное — буряк и несколько картошек. В общем, вполне достаточно для обзаведения.

Впрочем, картошки оказались гнилыми. В этом отношении они напоминали наши стенограммы.

1921 год.

Красные носы и качество.

Мужчины-одиночки с поднятыми воротниками.

Женщины ежащиеся и кутающиеся.

Красные носы.

Глубоко спрятанные руки.

А все вместе — съезд работников просвещения.

Он происходил зимой 1921 года в том историческом здании, где заседала Центральная Рада. Морозный, пустынный зал согревался только дыханием делегатов. Сквозь выбитые окна свободно пронирался холод. Нам приходилось писать в перчатках, держа левую руку в кармане.

Часть делегатов говорила на украинском языке. Мы еще не осмеливались писать по-украински и налету переводили речи на русский язык. Большинство украинских речей изобиловали русскими словами, поэтому перевод не представлял особенной трудности. Гораздо труднее было согреть правую руку. Она очень быстро начинала коченеть. И двигалась весьма туго. Нельзя сказать, чтобы это очень благоприятно отражалось на точности записи.

Увы... совсем наоборот...
Под разговор колес.

Стенографистке Т. В. Кузнецовой приходилось писать под монотонное старческое брюзжание вагона поезда, когда рука подскакивала от каждого толчка разболтанного вагона и карападаш шел к цели не прямым путем, а совершая кругосветные рейсы по бумаге...

Это было в 1921 году, когда она сопровождала Помнач Пуокра—нынешнего Зав-

культотделом ВУСП—тов. Рябичева. Из Киева до Житомира ехали два дня. Расшифровка стенограммы производилась тут же в вагоне на пишущей машинке, взятой, очевидно, из музея допотопных достопримечательностей.

Обстановка—не очень комфортабельная. Но разве в 1921 году в вагоне поезда стенограф претендовал на комфортабельность? Такие нелепые мысли и в голову не приходили.

Киев.

М. Холоденко.

Харьков в 1919 г.

Мои воспоминания относятся к 1919 году. В январе этого года в Харькове состоялось

A. Очаковский.

организационное собрание небольшой группы стенографов, которое имело своей целью объединение распыленных стенографических сил для совместной работы по обслуживанию съездов и всякого рода совещаний. В состав этой группы вошли стенографы, которые и сейчас работают в Харькове, и такие, которых уже давно здесь нет.

Помню, что первую свою работу мы начали в начале февраля 1919 года на первом губернском съезде советов. Время было горячее, советская власть только-только еще утверждалась на Украине, и в частности, в Харькове. Мы, стенографы, работали в здании теперешнего оперного театра. Помещение не отапливалось, машинки для расшифровки помещались в полупустом зале, соседнем с залом заседания. Было неуютно, бегали крысы и пугали работавших, но никогда было обращать на это внимание. Надо было спешить расшифровать, сдавать в печать законченные стенограммы. А рядом в зале гремели речи. Приходившие на смену обменивались не только впечатлениями о том, как они записали, но и о том, что там за стеной говорилось.

Первый губернский съезд советов кончился, но не надолго оставил нас в покое. Работа все прибавлялась и прибавлялась и рабочих рук с каждым днем не хватало. Число заседаний и совещаний увеличивалось. Долго и крепко молчавшая за время

царского режима Украина должна была высказать все свои затаенные мысли и желания. Пожалуй, нигде, как на Украине, не чувствовалась так сильно острота освобождения от прежнего режима.

Перед нами, стенографами, больше чем перед всеми в городе, проходил калейдоскоп разных лиц, развертывались события с головокружительной быстротой. Кого только мы ни видели здесь за время 1919—1920 года. Здесь были все вожди Октябрьской революции. Не было, к нашему великому сожалению, только гениального вождя нашей революции, Ильича.

Вспоминаю, как в период Григорьевщины, наступления атамана Григорьева, был создан экстренный пленум Горсовета. Настроение приподнятое, зал оперного театра переполнен. Выступает петроградский рабочий Зорин и призывает рабочих отстаивать Харьков так же, как петроградские рабочие отстаивали в свое время Петроград. После заседания общая демонстрация на улице. В городе было запрещено частным лицам зажигать электричество в квартирах. Но нам надо было немедленно расшифровать на дому стенограмму и сдать ее. Подходим к предисполкому тов. Кину, просим разрешения пользоваться светом. Тов. Кин немедленно таковое дает и работа наша по расшифровке материалов продолжается уже на дому.

Пожалуй, на Украине больше, чем где бы то ни было чувствовалась тяжесть гражданской войны. Не было света—в помещениях, где мы работали, приходилось работать при свечах. Помещения совершенно не отапливались, мерзли руки, а ведь подчас приходилось работать вдвоем по несколько часов подряд. С нами, стенографами, и работодатели и присутствующая на заседании публика обращались очень хорошо, подчас даже

чрезвычайно внимательно. Бывали, конечно, случаи, когда человек, не понимая сущности стенографии, во время горячей работы записи увлекшегося оратора подходил к тебе и как ни в чем не бывало спрашивал: «А как тут найти тов. Иванова?», и наряду с этим были и такие товарищи, которые очень бережно по условиям того времениохраняли наш труд. Мы в это время, в период 1919 года, работали действительно не покладая рук. Иногда работа шла с маленькими перерывами целые недели. Работали и днем и ночью. Поздно ночью в 2—3 часа можно было встретить на улице Харькова стенографа, возвращающегося с заседания с про-

пуком от коменданта города, так как в то время после определенного часа не всем разрешалось быть на улице.

Прошла эта пора. Многие уже в других местах, многих уже нет на свете, многие из нас надорвали свое здоровье в непосильной работе в тяжелых условиях эпохи военного коммунизма. И все-таки с радостью вспоминаешь, что и ты был одним из винтиков в сложной машине, начинающейся великого строительства трудящегося класса, сбросившего с себя вековое ярмо старого режима.

А. Очаковский.

Харьков.

— 82 ♂ 3°. ил 82
— 82 - 1°. ил 82 —
W 2 62

Сист. Габельсбергера (украинский текст)
в преп. Очаковского.

Стенография на Полтавщине.

Развитие стенографии на Полтавщине началось с 1923 г., когда спрос на стено-

союз СТС к организации 9-месячных стекурсов для безработных членов союза и к открытию мною курсов стенографии и машинописи, под ведомством ПОНО.

В 1924 г. мною было выпущено с обоих курсов 24 стенографа, после чего при союзе СТС было организовано «Объединение Стенографов» из 28 человек.

Знакомство районов с работой стенографов привело к тому, что на курсы начали стекаться со всех сторон: Конграда, Карловки и т. д. А в 1926 году ею уже был заинтересован и город Кременчуг, где мною были организованы (одногодичные) стекурсы, выпустившие 19 стенографов.

В 1927 году такие же курсы организованы в г. Лубнах и в г. Нежине.

Несмотря на то, что спрос на стено работу значительно уменьшился по сравнению с прошлыми годами, интерес к стенографии не ослабевает, а растет с каждым днем.

А. Станкевич.

Слева направо: Л. Русанова, М. Александровская, А. Лебедев и А. Станкевич.

работу был настолько велик, что имевшимся в г. Полтаве 4 стенографам (Станкевич, А.П., Лебедев, А.С., Русанова, Л.Е., и Александровская, М. Н.) справиться с этой работой было чрезвычайно трудно. Это обстоятельство привело Полтавский

В калейдоскопе.

До сего времени странным образом в умах многих работников укоренился взгляд на стенографа как на безучастного зрителя совершающихся событий, как на человека, работающего с точностью физического прибора. Это, несомненно, не соответствует действительности. Когда вспоминаешь этапы прошлого, переход от периода военного коммунизма к новой экономической политике, годы трудностей и борьбы, — последние годы мирного строительства, — проникаешься чувством какой-то великой гордости и радости: все прошло на наших глазах, во всем мы участвовали, все мы записали, все мы сохранили для истории.

Вспоминаю 28 апреля 1920 г. Толпы народа на улицах. Митинги, хранильные голоса, красные банты, пьяная бесшабашная радость на лицах...

Вспоминаю торжественное заседание, на котором встречали славного героя, первым на броневике вступившего в город, — т. Ильдрыма, награжденного бакинским пролетариатом орденом Красного Знамени. Сколько необычных слов, какая полнота чувства победы! Зажигательные речи... Лица, лица новые, необычные... Металличность, суровость и железная, военная дисциплинированность. Освобожденный пролетариат бакинских промыслов с радостью встретил победителей и не мог не обрушить своего заслуженного гнева на побежденных врагов, в годы реакции мучивших вождей пролетариата.

Шумный процесс генерала Тхехаса, бывшего фактическим виновником гибели тов. Али-Байрамова и многих других рабочих, привлек большие массы в государственный театр. «Да здравствует справедливый пролетарский суд», — был единодушный ответ рабочих на решение суда. Нервная, напряженная атмосфера во время чтения приговора лишь под конец разрядилась продолжительными аплодисментами, несмотря на звонки председателя суда, призывающего к порядку.

Годы шли. Все более и более чувствовалась усиливающаяся роль Азербайджана в развитии революционного движения на Востоке. Азербайджан — преддверие Востока. Народы Востока не напрасно взирают на нас с надеждой. Бешеный ритм революции не мог не пробудить давнишних

желаний восточных народов. Громаднейшие арки, плакаты «добро пожаловать» на многих языках, иллюминированный город встречали в один из прошедших дней многочисленных делегатов, съехавшихся из Китая, Персии, Турции, Индии и других восточных стран. Восток объявил священный газават империализму. Клятва на кинжалах была одним из многочисленных проявлений бурного подъема чувств участников съезда народов Востока. Не раз и после этого разноцветные одежды и разноязычный говор встречались на пленумах народов Востока.

Недаром одна из улиц нашего города названа улицей Народов Востока.

Был паек, были очереди... Была пшенная каша, недопеченный хлеб, изюм вместо сахара, продовольственные карточки... Но был энтузиазм, было горение.

Нас работало 12 человек. Бывало, встаешь рано с утра и шагаешь за 3 версты к месту заседания. Трамвая и в помине не было. Конка бездействовала. Возвращались поздно и зачастую нас с большими ломтями белого хлеба (который выдавался делегатам на съездах и конференциях) поздно ночью на машинах развозили по домам...

«Каждая кухарка должна научиться управлять государством». — Женщина нашла свое равноправное место в работе с мужчины.

Странное зрелище представлял однажды Дворец Красного Аскера, собравший в своих стенах первый съезд женщин Азербайджана. Тюрчанка освобождалась от чадры. Она пришла поведать свои горести и сбросить вековые цепи семейного рабства. Молодые и старые, в большинстве случаев неграмотные, тюрчанки, армянки и русские восторженно приветствовали советскую власть, принесшую раскрепощение женщины. Тюрчанка рассказывала о том, в каких еще неблагоприятных условиях, разрывая преграды сурового адата, она начинает посещать собрания и принимать активное участие в строительстве новой жизни. Тюрчанок в активе было еще мало, а сейчас... сейчас тюрчанка нередко единогласно избирается председателем сельсовета, сейчас тюрчанка председатель народного суда...

Горсточка стенографов объединилась в небольшое бюро при президиуме Баксо-

вета, окруженная заботой администрации; стенограф получал ударный паек и оклад в 1 миллион руб. в месяц (нельзя забывать, что тогда еще фигурировали тысячи, и наш миллион имел значительный вес). Бюро при Исполкоме было основным ядром, вокруг которого впоследствии сгруппировались все стенографы. Зачастую Баксовет по просьбе тех или иных учреждений посыпал и с. стенографировать различные заседания. Через Баксовет мы были приглашены стенографировать первый Вседагестанский съезд советов. В Дагестан с тов. Наримановым поехали 2 стенографа — Казанцева и я.

Восточная музыка и восторженные встречи на вокзалах... Танцы, речи, хлеб и соль. В торжественной обстановке в Буйнакске открылся Съезд советов Дагестана. Резко гортанный говор на множестве наречий жителей а улов, многочисленные приветствия запечатлевались в памяти. Особенно бурно съезд встречал выступления своего любимца — председателя Дагревкома, тов. Коркмасова.

На второй день съезд принимал парад войск. Мы писали на параде стоя, на импровизированном столе — друг у друга на спине. Парад закончился под громовые аплодисменты войска национальным танцем Дагестана в исполнении тов. Коркмасова.

То был 1-й Съезд советов Дагестана...

Комитеты бедноты повсюду развернули свою деятельность. Защевелилось беднейшее крестьянство тюркских деревень, отстаивая свои права в борьбе с зажиточным слоем крестьянства.

Съезд комитетов бедноты завершил полосу начальной мобилизации и консолидации беднейшей крестьянской массы. Удивительно, зачем мы «писали» этот съезд, происходивший почти полностью на тюркском языке. Но не забыть робости и волнения впервые выступающих ораторов в высоких

темных папахах и запыленных грубых чарухах.

Время шло... Пала цитадель менышевистской Грузии — Тифлис... Волна революции захлестнула новые отряды пролетариата и передового крестьянства. Опыт пролетарского Баку, впервые установившего у себя советскую власть, помог соседним братским республикам. Во время карканью ворон из лагеря дашнако-муссаватистских и меньшевистских эмигрантов, практически блестяще разрешился национальный вопрос: мирно уживались и сотрудничали тюрк, армянин и грузин. Идея объединения сил в Закавказском маштабе впервые была осуществлена комсомолом.

Первый Закавказский съезд комсомола в Баку, собравший юношей и девушек многонационального Закавказья, положил начало этому единению. Молодежь, со своей стороны, пылкостью и энергией, провозгласила клич: «Да здравствует братский союз комсомольских организаций Закавказья». Объединилась и Закавказская кооперация. Вскоре после этого в Тифлисе состоя-

лось торжественное открытие I Закавказского съезда коммунистических организаций в бывшем дворце наместника. Целый штат стенографов и машинисток был отправлен из Баку для обслуживания этого съезда. Роскошные залы дворца, вероятно, впервые вмещали в себе не статских советников, не пустозвонов Закавказского сейма, а рабочих и крестьян, взявших власть в свои руки. Лихорадочная работа на съезде захватила и нас.

Отчет, лист за листом, тут же редактировался и отвозился в типографию. К концу заседания делегаты получали печатный бюллетень. Этот этап завершился I Закавказским съездом советов, происходившим в Баку; была объявлена федерация Закавказских республик.

А. Агаронян
(Практик и педагог г. Баку).

С каждым днем все крепла экономическая и хозяйственная мощь нашего Союза. Враг не дремал. Покушения, террористические акты, поджоги заводов, фабрик и промыслов то тут, то там прокатились по всему Союзу. В результате перед лицом пролетарского суда предстали руководители работавших нелегально эс-эрских организаций. Процесс закавказских эс-эрсов выявил, какими гнусными, никемными средствами собирались эс-эры «свалить» большевиков, до чего они докатились, заключив союз с белогвардейцами и получая финансовую поддержку от иностранного капитала. Процесс привлек так много рабочих и др. трудящихся, что большой зал не вмещал всех. Кажется, впервые громкоговорители передавали многочисленным слушателям за два квартала от здания театра, на площадь, происходящее в зале суда. Взрывом негодования рабочие встретили признание «сподвижников» эс-эрсов о подготовлявшихся взрывах промыслов. История сделала свое дело: эс-эрам, меньшевикам и подобным им горе-социалистам не место у кормила власти в пролетарской стране.

Все улучшающееся внутреннее и внешнее положение нашей страны, постепенное улучшение экономического положения рабочих вызывало к жизни повышение культурно-социальных запросов населения: росли диспансеры, детские дома, школы, ликпункты, всевозможные вечерние общеобразовательные курсы, совпартишколы и т. д., и т. п. Был организован комитет по национализации наших учреждений, возникла идея создания нового тюркского алфавита, который приблизил бы тюрко-татарские народы к общеевропейской культуре. Появилась газета «Ени-Ел», издаваемая на новом тюркском алфавите. Только благодаря горячим и неутомимым усилиям председателя ЦИК АССР, тов. Агамали Оглы, идея эта получила научное разрешение на I Всесоюзном тюркологическом съезде.

Дни съезда превратились в дни национального праздника. Крупные научные силы не только нашего Союза, но и заграницы авторитетно признали, что новый алфавит для тюрко-татарских народов будет двигателем их культуры, что его практическое осуществление вполне своевременно и целесообразно. Для нас, стенографов, были особенно интересными во время заседаний этого съезда споры о стенографичности старого тюркского алфавита, доклад проф. Жиркова о графике письма, неоднократно повтор-

являвшемся в устах выступающих ораторов слово «стенография». В торжественной обстановке при глубоком волнении многочисленных делегатов съезд выслушал признания делегатов Чувашской республики, Якутской республики, представителя заброшенной где-то на границе с Китаем народности о том, что советская власть дала им книгу, начала создавать литературу, которой у некоторых из этих народностей не было и в помине. Еще с большим волнением, разжигаемым выкриками противников нового алфавита, под бурные аплодисменты было принято подавляющим большинством голосов решение о введении в жизнь нового тюркского алфавита. 45.000 детей только в школах 1-й ступени, состоящих в ведении Баксовета, в настоящее время изучают тюркский язык на новом алфавите. Многочисленная учебная, популярная и беллетристическая литература издается сейчас на этом алфавите...

Помню, с каким интересом расхватывались газеты, сообщавшие о раскрытии места пребывания фактического убийцы 26 бакинских комиссаров, Фунтикова, и о предстоящем процессе его в Баку. Пришел и день суда. Многочисленная толпа, запрудившая улицы, окружающие театр им. Буниат-Заде, и близлежащую площадь, с нетерпением устремила взоры к громкоговорителям. Фунтикова проводили под усиленным конвоем.

Никогда мы не чувствовали такой ответственности как в эти дни, когда стенографировали свидетельства «героев» этой кошмарной драмы, разыгравшейся в Закаспийских песчаных степях. Рука дрожала, но твердая выучка и опыт взяли свое. Мы способствовали документальному засвидетельствованию признаний Фунтикова о той гнусной роли, которую сыграли в этом «деле» представители английского империализма и Закаспийские «социалисты», члены тогдашнего Закаспийского правительства. Каждый год, вспоминая с величайшей скорбью своих вождей, бакинский пролетариат не может не вспомнить о гадливой, омерзительной роли этих наемников английского империализма.

10-летие Октября... Сколько мы исписали, сколько мы слышали и видели, где и в каких только условиях мы шли работали, сколько радостных итогов мы подводили, как многому мы научились!

Баку.

А. П. Агаронян.

Авторы систем

М. Лапекин
(Москва).

Сист. Лапекина

and will be a day
in the village and

Н. Соколов
(Москва).

Сист. Н. Соколова

engaging with other groups
which serve similar

И. Дауман
(Ленинград).

Сист. И. Даумана.

2. \rightarrow 2.

А. Гильдебранд
(Москва).

Сист. Терне в обр. Гизъдебранца.

o o $\rho_m = \rho_0$ /
 $\rho_n = \rho_n$ /
W ph a 6 / L
- 2 6

за десять лет:

Н. Крулев
(Москва).А. Юрковский
(Москва).

Сист. Габельсбергера в сбр. Н. Крулева.

А. Берман
(Москва).А. Либерман
(Харьков).

В сбр. А. Юрковского.

Учебник
Габельсбергера

В сбр. А. Бермана.

Учебник
Габельсбергера

В сбр. А. Либермана.

Учебник
Габельсбергера

Сист. А. Сапонько (обр. 1925 г.).

Учебник
Габельсбергера

А. Сапонько
(Севастополь).

Сист. Животовского в обр. Владимира

Владимиров
(Москва).

Л. Животовский
Председатель

Сист. Животовского в обраб. А. Агаронянка.

189160.8-1-5-094-01

Сист. Штольце в обр. Шумского

Н. Штольце
Председатель

Шумилов
(Новосибирск).

о 2 с в ~ о н е , 1 - о
7, в е ч р о в н о ъ .
2 н з

Сист. Штольце - Сторосельского.

о 2 7 9 0 ~ 1 ~ - ~
~ 1 ~ 2 ~ 2 ~ ? ~

В. Конышев
(препод., Барнаул).

Московские педагоги сист. Габельсбергера

Нечаевская школа

С. А. Нрейнес.

А. Н. Гессер.

П. И. Ермолова.

**Маглиновская
(Краснодар).**

• H. G. Cassabon - Verl S.,

200-158.5-22,0,60,

Сист. Габельсбергера в преп. Маглиновской.

Aug 60. To 10-48 - a
182 - y. 21

Сист. Терне в преп. Е. Лихаревой.

Е. Лихарева
(Москва).

Н. Садыкова.
(Москва, сист. Сапонько).

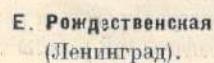

Сист. Терне-Паткановой.

~~Yesterdays~~ ~~and~~ ~~of~~ ~~you~~

Е. Александрова
(Ленинград).

Пароль — „накладка“, отзыв „Новгород“.

Такая пометка, представляющая точной пропуск для хождения по городу, имеется на обороте заявления, поданного ростовскими стенографами: Гельзайд, Глуховым, Евфановым и Крохиной в президиум одного из съездов в 1921 году.

В заявлении стенографы пишут, что в виду того, что заседание закончится в 1 час ночи, когда движение по городу будет воспрещено, а также принимая во внимание сильное утомление в течение $13\frac{1}{2}$ часов работы, они просят, если воз-

можно, закончить заседание в 12 час. ночи.

На заявлении имеется резолюция председателя съезда: «Если будет продолжено заседание, дадим вам автомобиль». Заседание затянулось до 3-х час. утра, и стенографы были развезены по домам на ав-

томобиле. Та-

ким образом, в этот день указанная группа стенографов работала больше 15 час. без смены.

Мне кажется, эти несколько птичковых рисуют «бытовую» картину работы стенографов на окраинах в период гражданской войны первый период укрепления советской власти.

Советская власть на Северном Кавказе укрепилась только с 1920 года, на 2 года позднее, чем в центре. До 1924 года в крае еще слышались отзвуки гражданской войны, продолжались вспышки бандитизма и одновременно шло строительство, постепенный переход на мирную хозяйственную работу.

Этот период ознаменовался большим количеством разных съездов, конференций, совещаний и т. д. Ростов стал военным и административным центром края. Везде шла организационная работа, везде шли разные

совещания, и везде требовалось стенографирование.

Коллектив стенографов, обслуживавший съезды, был небольшой. К перечисленным выше можно добавить еще тт. Шапошникова, Чебакову, Лаврентьеву и изредка стенографировали: тт. Божик, Якобсон и Доронинко, — последние двое — стенографический молодняк.

Таким образом, всю тяжесть обслуживания многочисленных совещаний несли на себе фактически 7 стенографов. И когда случалось 2 съезда одновременно, то стенографов часто не хватало, приходилось стенографировать втроем, вдвое с «немедленной» расшифровкой, а иногда даже по-одиночке в течение нескольких дней подряд, не считаясь со временем.

Отказываться от работы не приходилось. Если стенографов нельзя было достать, так как они работают на съезде, то дело доходило до «реквизиций».

Мне припоминается случай летом в 1921 г., когда я и т. Гельзайд работали на кооперативном съезде. Съезд был важный, так как прибыл из Москвы председатель Центркоопсоюза тов. Тихомиров. Как раз в это время открылось совещание Начдиков и Начподников СКВО и 1-й конармии, где должен был быть доклад тов. Ворошилова. Был послан адъютант на автомобиле с приказанием привезти меня на совещание, во что бы то ни стало. Прибыв ко мне на квартиру и не застав меня дома, он отправился на кооперативный съезд и потребовал, чтобы я немедленно ехал с ним стенографировать тов. Ворошилова. Дипломатические переговоры президиума ни к чему не привели, и я поехал.

Большинство съездов совпадали по времени. Стенографы «отдыхали» от съездов когда в Москве происходили Всероссийские съезды.

С 1924 года жизнь края вошла в мирную колею и стенографическая работа приняла более спокойный характер. Краевые и окружные учреждения для обслуживания своих нужд стали иметь штатных стенографов, съезды стали стенографироваться реже, темп речей и стенографической работы стал

Я. Евфанов.

замедляться, кадры стенографов увеличился, стали требоваться стенографы-корреспонденты для текущей работы.

Стала оформляться профсоюзная работа, организовался в 1924 г. комитет стенографов, стали вырабатываться «нормы» труда и оплаты стенографов и т. д.

Когда вспоминаешь работу стенографов периода гражданской войны на Северном Кавказе,—испытываешь чувство большого нравственного удовлетворения, что такая большая работа, в такой ответственный период строительства, была выполнена таким небольшим коллективом.

Ростов/Д

Я. Евфанов.

Теневое и светлое.

Не в осуждение, не в обвинение кого-либо пишутся эти строки. Они пишутся с величайшей горестью.

И теперь, в дни великих воспоминаний, надо вспомнить не только светлое прошлое наше, но и то скорбное, что уже давно изжито нами, что пройдено и оставлено позади, как ошибка, которых много у людей наций и всего человечества.

Летом нынешнего года, по поручению редакции большого журнала, автору этих строк пришлось поработать над воссозданием в возможной точности стенографического отчета второго Всероссийского Съезда Советов, происходившего всего лишь в течение двух ночей на 26 и 27 октября 1917 года (ст.ст.).

Незабываемые времена, незабываемые слова и дела!

Но история ничего не оставила нам от этих слов, ничего, если не считать тонкой тетрадки секретарских записей, изданных Кронштадтским комитетом партии.

Госиздат обещал нам выпустить к десятилетию Октября полный стенографический отчет. Но пока его нет, да и не может быть. И вот почему...

Заседание первое открылось около 12 часов ночи. На этом заседании ВЦИК первого созыва должен был уступить свое место новым людям, людям воли — большевикам.

Когда образовался президиум съезда, то левые эс-эры, меньшевики и меньшевики-интернационалисты заявили, что они участия в президиуме не примут.

Вслед за тем поднимается на трибуну Мартов, сущность речи которого сводилась к следующему:

— Нужно сделать все для мирного разрешения кризиса, для создания власти, которая была бы признана всей демократией...

Выступает меньшевик Кучин, который предлагает всем солдатам покинуть съезд.

— Корниловец! — несется ему в ответ.

Настроение подогревается. Меньшевики делают заявление о своем уходе со съезда. Бундовцы покидают съезд. Уходят эс-эры. Всего ушло около 50 человек из 670 присутствующих. Они ушли только потому и только после того, как выяснился громадный численный перевес левого крыла съезда.

И повинувшись гипнозу ухода, подчиняясь истерическим выкрикам втесавшихся саботажников, агитации и пущенным выдумкам о резне на улице, стенографистки покинули съезд.

Можно понять этот уход, но в дни Октября забыть этот уход невозможно.

Невозможно хотя бы потому, что речи — и в том числе огневые речи Ленина — остались незаписанными. Все материалы съезда были кем-то унесены. И до сих пор мы не можем воссоздать точной, документально выверенной картины того, что происходило на историческом Втором Съезде Советов... И все наши усилия в этом направлении не могут заполнить того колossalного пробела, который образовался в этом месте, Что не записано в момент произнесения, то не запишется никогда.

Кто были эти стенографы, мы также не знаем. Да и зачем нам имена, виновные? Мы говорим не о вине, а о величайшей беде, которая произошла в самый важный момент.

Все это в прошлом. Никто казнить за прошлое не хочет. Но этим темным воспоминанием мне хотелось бы отметить и оттенить многое светлое, что есть теперь.

Саботаж был преходящим явлением. Все это уже изжито. Кадры стенографов широки и вполне устойчивы. Стенограф занимает место в первых рядах активных советских работников.

Но этой теневой стороной мы отмечаем громадное повышение сознательности среди наших работников стенографии и оттеняем великую роль стенографа в наше время.

Москва.

Н. Фалеев.

Сибирь.

(Томск—Омск—Новосибирск).

Стенографы в Сибири до революции были настолько редким явлением, что их насчитывалось буквально единицы. Спрос на съездовых стенографов был так мал, что нередко один стенограф успевал удовлетворять потребности 2—3 городов. Несколько больше использовалась ст-фия в иностранных торговых фирмах, где работали ст-фы-корреспонденты различной квалификации (от 30 слов в мин. до 100 и больше).

Одною из первых появившихся в Сибири ст-сток была М. И. Шипицына (Терне). В 1905 г. она прошла по конкурсу в Гос. думу, где работала около года. После того М. И. вернулась в Томск, где и работает почти беспрерывно до настоящего времени. В 1906 г. я начал работать в Томске (Штольце), через год или два после меня — Г. В. Душин (Габельсб.). Все трое являются сибирскими ст-фами. Кроме них, ст-фов — сибиряков не появлялось до 1916 г., когда начал работать на съездах в Томске еще один сибиряк — И. Т. Уваркин (ученик Душкина). Из приезжих следует отметить В. П. Горшкова (Мирчинк), работавшего в Омске с 1909 г. Съездовых ст-фов по др. городам Сибири не было. После Октябрьского переворота в Омске появилось несколько приезжих ст-сток: Каминская (Терне), Дробышевская (Животовский), Русалева (Габельсб), Палимпестова (Терне) и некот. др., но через год-два они из Сибири уехали.

Что касается стенобразования, то ст-фия продвигалась главным образом путем частных уроков, чем занимались называемые выше сибирские ст-фы и некоторые из приезжих. Были попытки введения ст-фии в женских гимназиях в Томске и Омске (14/17 гг.) и кое-где на бухгалтерских курсах, но эти попытки оканчивались ничем. Курсы стенографии в Сибири открывались почти только мною (Томск — 1911 г., Омск — 1913/14 гг., Томск — 1916/17 гг.). Так как курсы были краткосрочные (от 4 до 6 мес.), то они давали лишь ст-фов-корресп., при чем на курсах в Томске изучали ст-фию

почти исключительно студенты высш. уч. зав., применявшие затем ст-фию для записи лекций.

Все это — история, все это — было до революции. Что можно отметить теперь к моменту десятилетия революции? Прежде всего отметим, что перечислить ст-фов по именам теперь уже не легко: их во много раз больше, чем было раньше. Один только Новосибирский коллектив ст-фов объединяет около 50 чел. (из них съездовых и кандидатов в съездовые до 20 чел.). Новосибирск, Омск и Томск почти обеспечены стенографами, есть ст-фы, хотя понемногу, и в таких городах, как Иркутск, Барнаул, даже Семипалатинск. Ст-фы в незначительной части приезжие, преимущественно же окончившие местные курсы стенографии.

Стенобразование в Сибири проводится в значительно больших размерах, нежели это было до революции. Благодаря большему спросу на ст-фов и большей, вследствие этого, заинтересованности слушателей, последние, обычно, не удовлетворяются начатками этого искусства, а упорно стараются добиться скорости, дающей возможность записывать речи. В последние годы появились небольшие курсы в Томске, Иркутске, даже в Барнауле. В Омске мною были организованы в 1922 г. курсы при союзе СТС, просуществовавшие 3 $\frac{1}{2}$ года. Курсы дали 4-х ст-сток на скорость свыше 110 слов, 12 — на 90 слов и несколько десятков ст-фов низшей квалификации. С сентября 1925 г. я перевел свои курсы в Новосибирск, где они, таким образом, и вступили в третий год существования. Здесь курсы выпущено ст-фов всего до 50 чел., из них 15 на скорость в 110 слов, 18 — на 90 слов. На курсах удалось провести в полной мере учебные планы Главпрофобра: за истекший учебный год преподавались для слушателей ст-фии обществоведение, русский язык, делопроизводство и машинопись.

Новосибирск.

Р. Шумилов.

Стенография в Белоруссии.

• 9 8 1 9 7 2 4 - 9
19 0 2 1 1 1 1

Перевод белорусского текста:

„Роля стэнографіі у сучасным жыцьці патолькі вялікая і многастайная што ступень яе разъвіцца з'яўляецца адным з важных наказальнікаў узросту культуры і грамадзкага жыцьця“.

М. Томскі.

Стенографов в Белоруссии не было до 1921 года. По этой причине мы совершенно не имеем никаких стенографических документов из истории первых лет революционной борьбы в Белоруссии. Мы не имеем, например, достаточных материалов, освещающих особенно интересный период 1917—1918 гг., когда Минск, в виду своего географического положения и как центр западного фронта, играл исключительную роль. Между прочим, не осталось у нас стенографических материалов, освещающих деятельность таких выдающихся революционеров, работавших тогда здесь, как Фрунзе, Мясников и многие другие.

В середине 1921 г. в Минске появляется первый стенограф. Около года он работает совершенно один, стенографируя партийные собрания, советские съезды и т. п., потом к работе привлекается еще одна стенографистка.

Можно представить, в каких трудных условиях приходилось работать этой «группке»: без смен, стенографируя непрерывно целые заседания, а зачастую и съезды, записывая не только русских ораторов, но белорусских, еврейских, польских (сами переводя их), долгими неделями расшифровывая по том этот громадный материал....

Вплоть до 1924 г. эти два товарища провели громадную, чрезвычайно тяжелую работу.

В начале 1924 г. впервые на чрезвычайном съезде советов укрупненной БССР начало проводиться стенографирование в смену, при чем в помощь местным стенографам были приглашены стенографы из Москвы. Еще несколько раз после этого вызывались из Москвы стенографы, но неудобства, связанные с такими вызовами, заставили местные органы подумать о принятии мер для скончайшей подготовки стенографов из местных сил.

С. Савельзон.

В результате этого положения центральными органами было признано необходимым организовать при Управлении Делами Совнаркома Белоруссии группу практикантов-стенографов, с целью подготовить соответственно квалифицированных работников, которые обслуживали бы высшие органы БССР. В настоящее время мы имеем уже совершенно достаточную группу квалифицированных стенографов, которые полностью удовлетворяют весь спрос на стенографическую силу.

Крупные успехи в области развития стенографии в Минске мы имеем в последнее время, и особое значение при этом имеют наши успехи в области научной; в настоящее время уже разработаны белорусская и еврейская системы стенографии, которые чрезвычайно важны и необходимы для БССР.

В практической работе по распространению стенографии мы также имеем успехи. Центральное правление союза совторгслужащих на запрос НКТруда о мерах к расширению применения стенографии в учреждениях указало на необходимость введения кадра практикантов-стенографов в наиболее крупных государственных и хозяйственных органах, организации курсов стенографии, куда были бы командированы определенные группы работников от каждого учреждения (из наиболее крупных) и еще ряд других мероприятий.

Из этих указанных союзом мер осуществлена уже одна, наиболее существенная:

организованы государственные курсы стенографии с двумя отделениями белорусской, русской и еврейской. В первом отделении имеется 26 чел., во втором — 17. Чрезвычайно важно также другое мероприятие в этом году (впервые, кажется, во всем Союзе) введено как опыт преподавание еврейской стенографии в старших классах одной из еврейских показательных школ Минска. Если опыт окажется удачным, то в будущем году он будет расширен и в отношении белорусской стенографии. Пока занятия в этой школе идут успешно при громадной заинтересованности учащихся.

Имеются у нас еще, конечно, «слабые стороны» например, рынок стентруда у нас еще очень невелик. Для расширения его

в последнее время стали практиковать (не безуспешно) протоколирование (краткое стенографирование отчетов) заседаний. В этой работе у нас уже имеются определенные навыки, о которых, однако, придется написать отдельно. С будущего года Наркомпрос предполагает ввести стенографирование ряда лекций в университете. Но все это пока еще незначительно расширило емкость «рынка стенографического труда». Стенография в Белоруссии начала развиваться очень поздно, гораздо позже, чем в других районах Советского Союза. Тем не менее, мы к настоящему времени уже имеем ряд весьма солидных достижений, которые, несомненно, с каждым годом будут все больше развиваться.

С. Савельзон.

Н. Шацкин.

הַשְׁמִינִית
וְהַשְׁמִינִית
לְפָנֶיךָ
לְפָנֶיךָ.

Система Габельсбергера в обработке Шацкина.

Перевод еврейского текста.

הַשְׁמִינִית פָּנָה רַעֲדָה סְתָמָאכָרִיאַתִּישׁוּ
קָוְנֵסֶט אַיִן אָנוֹ נְדוּיָם אָנוֹ פָּאַרְשָׁׁׂדְּגָּרְטִּים
פָּן אַיְצָׁטָּמִן לְעָכָּר אָוְלִיטָּס אַיִן וְזָאָקָּם
עַטְּסָּעָן וְוַיְנְדוּיָם עַם אַיִן דְּשָׁׁׁוּזָׁאָסָׁפָּזִּיִּם
בְּסָמְרוּרָעָלִּין אָנוֹ נְעַזְּלָשָׁאָפָּטָעָלִּין לְעָכָּר.
(טָאָסְפָּסִים).

Дорогу тюркской стенографии!

С первых же дней установления советской власти в Азербайджане почувствовалась потребность в тюркской стенографии, но таковой не существовало.

Если мы посмотрим на восточные страны, то увидим, что и там практического применения стенографии еще не имеет. Там были некоторые теоретические попытки просто перевести какую-нибудь западно-европейскую стенографическую систему на турецкий или какой-нибудь другой восточный язык, по практических результатов эти попытки не дали до сего времени, да и дать не могли. Национальная стенография должна

быть или самобытной, или, будучи создана из стенографии другого языка, должна быть точно приспособлена к духу и особенностям того национального языка, к которому она применяется.

Вот почему выпавший нам на долю приятный, но вместе с тем и очень трудный опыт применения стенографии к тюркскому языку сопровождался весьма существенными изменениями системы Штольце. Свою теорию тюркской стенографии мы строили на фонетическом начале, мало считаясь с орфографией, ибо пишущему со скоростью живой речи никогда думать об орфографии —

стенографу важно уловить звук так, как он его слышит, отнюдь не увлекаясь тонкостями орфографии языка. В своем изложении тюркской стенографии мы не забывали и того, что цель стенографии не одна только скорость, но и верность и отчетливость письма. Обе эти цели все время будут сочетаться в предлагаемой нами теории тюркской стенографии¹⁾. Помимо этого мы стремились к тому, чтобы правил было меньше, чтобы они были изложены проще и понятливее — чтобы тюркская стенография стала достоянием народных масс Азербайджана.

Насколько мы достигли намеченной цели — покажет будущее.

Еще в 1921 году, летом, по предложению т. И. Нариманова мы хотели впервые опубликовать наш опыт, но ряд обстоятельств помешал этому. За этот период молодая тюркская стенография еще более оформилась и окрепла.

¹⁾ Подробное изложение теории тюркской стенографии автор заметки обещает дать в ближайшее время.

Этот опыт создания тюркской стенографии проверяется в настоящее время на практике. По инициативе зав. женотделом БК АКП, тов. М. Ф. Крыловой, в 1927 г. в Балаханском женском тюркском клубе был организован кружок по обучению 5—6 тюрячанок стенографии. В течение 6-ти месяцев была пройдена теория и перешли к диктанту на быстроту, но дальнейшее обучение осложняется тем, что эта группа состоит из лиц, недостаточно грамотных, окончивших лишь 1-ю ступень советской школы, плохо знающих русский язык и литературный тюркский язык. Поэтому, писать они могут, но вряд ли смогут стенографировать живую речь.

Сейчас мы организуем новую группу из лиц, вполне владеющих русским и тюркским языками, и мы уверены, что через год-два мы будем иметь тюрок-стенографов.

Дело сделано — тюркская стенография есть. Дорогу тюркской стенографии! Даешь тюряка-стенографа!

Баку.

Л. И. Шумский.

Тюркская стенография
1920-27.
Баку 1927 г.
Запись: Г. А. Гарифуллин
Редактор: Г. А. Гарифуллин

*Zoldaylar! Вон бурада дашын
золдоған иш түбәндең алық белес
сүңгі ондаң орталығынан мәселелүү
кемүү, эмде мәселелөрдүр. Ви мәслелүү
ауди ишаролук жарынышынан
жеткүйдөң болындар.*

Высшие госуд. курсы стенографии.

К 10-й годовщине Октября Высшие государственные курсы стенографии вступают в свой восьмой учебный год.

ВГКС открыты 12 ноября 1920 года. Непосредственной причиной их организации был катастрофический недостаток в то время стенографов съездовской квалификации. Отсюда вполне естественно, что в инициативе открытия и организации первых государственных курсов стенографии приняли горячее участие как партийные (ЦК) и советские (Главпрофобр, Отдел съездов Наркомпроса) органы, так и сами стенографы к лице Московской стенографической секции и образованной при ней Научной стенографической комиссии.

В ЦК партии организация курсов была возложена на тов. Молотова; в Главпрофбре на тов. Аникет и отд. раб. обр., (П.Шолков, И. Соловьев и О. Еремину). Непосредственно же над организацией курсов работали: Н. Н. Шапошников — первый заведующий курсами, В. П. Остроумова, Н. М. Крулев — первый заведующий учебной частью; Е. А. Чернавская — заведующая хозяйственной частью; В. И. Тихонов — заведующий канцелярией; С. А. Юдина — председатель стендекции; П. Р. Бурлаков — член Научной стенографической комиссии. Немного позже (в марте 1921 года) в состав первых работников курсов влились Н. И. Фалеев и я. Первый разработал переформирование Первых государственных курсов стенографии в Государственный институт практической и научной стенографии и был вторым заведующим курсов и ректором института; третьим заведующим курсами, после обратного переформирования института в курсы, с 1922 по 1925 год был я, а с 1925 г. и по настоящее время заведует курсами Ф. И. Репин.

Нужно знать в каких условиях курсы начинали свою работу: холодные с цементными полами торговые помещения Политехнического музея — аудитории, замерзающие чернильницы, студенческая повинность по приноске дров, страшная нужда в клошке бумаги, карандаше, голодные пайки и т. д., — для того чтобы понять разницу в условиях работы курсов тогдашних и теперешних.

И нынешние условия работы с их теплом, светом и оборудованием не сразу стали такими, какими мы их видим. Все создавалось постепенно и подчас со страшными трудностями и напряжением. Каждая копейка расхода требовала над собой долгого предварительного обдумывания.

Жизнь курсов за эти семь лет вообще не представляла ровненькой, гладенькой дорожки: встречались на пути курсов и такие ухабы, из которых приходилось долго и с трудом выбираться. К числу последних

нужно отнести и нелады между работниками курсов в 1921 г., и уход с курсов вместе с учениками преподавателя Крулева, открывшего свои курсы, и вообще работу курсов в атмосфере окружения их большим количеством частных курсов, появившихся с напом, и борьбу за приход каждой копейки и борьбу за занимаемое помещение. Но, несмотря на все лишения и трудности, курсы работали. В составе их, к счастью, всегда были сосредоточены такие работники и слушатели, которые не только сознавали всю важность проводимой ими работы, но и беззаветно любили свое дело.

Нужно отметить, что курсы, встречая иногда непонимание своей работы, в решающий момент постоянно пользовались заботой правительства, партии и профессиональных организаций и с благодарностью должны вспоминать как те дрова, которые присыпались им тов. Енукидзе в 1920 году, так и ту огромную помощь, которую оказал курсам тов. М. И. Калинин в недавно (в сентябре этого года) закончившемся деле закрепления за курсами занимаемых помещений.

Работа, проделанная курсами, поистине огромна. К настоящему времени и речи не может быть о том катастрофическом недостатке в стенографах высшей квалификации, какой был при создании курсов в 1920 году и этим в значительной мере рынок труда обязан ВГКС.

За три последних года только на ВГКС получили квалификацию:

	На	90 сл.	110 сл.
	75 сл.	90	30
В 24/25 г.	157	90	30
» 25/26 »	199	177	40
» 26/27 »	85	118	117
Съездовских	43		

Качество практических работников стенографии, выпускаемых курсами, тоже значительно улучшилось: если в 1920 году на тогдашнюю съездовскую работу выходили со скоростью 90—100 слов в минуту, то теперь с хорошими 110 словами еще только поступают на съездовское отделение: не слышно теперь тех жалоб на стенограммы, которые были тогда.

В Москве имеется параллельная работа и других курсов и организаций, но никто не станет отрицать, что ВГКС всегда служили хорошим примером и если на направление работы ВГКС оказали влияние I Всеобщая конференция стенографов и сорганизованная после нее Центральная стенографическая комиссия, а в последнее время Междуведомственное совещание, созванное Наркоматом РКИ СССР 30 апреля 1927 г., то с другой стороны всей своей работой и работой отдельных своих работников ВГКС оказали большое влияние на общее направление, формы и результаты работы в области практической стенографии.

Нужно добавить еще, что на ВГКС, помимо производственной деятельности, проделана большая научная работа по созданию и проверке новых (Бурлаков, Лапекин, Фалеев, Соколов) и разработке старых (Габельсбергер, Санонько, Животовский, Терне) стенографических систем.

ВГКС — есть первый в истории русской стенографии опыт создания высшего стенографического учебного заведения, научной стенографической лаборатории. В результате больших исканий во всех областях

деятельности курсов как организационной, учебной, так и научной, мы имеем мощные государственные курсы стенографии с ясной целевой установкой, разработанным учебным планом и программами и прекрасным составом работников.

В настоящее время задачи ВГКС расширились. Кроме тех задач, какие на них были возложены в 1920 году — подготовке стенографов высшей квалификации и стенографов-педагогов, при чем под высшей квалификацией тогда подразумевалось 110 слов, а теперь съездовская квалификация — на ВГКС возложена задача организации обучения стенографии служащих учреждений, занимающих такие должности, для исполнения которых признано необходимым или полезным знание стенографии, и подготовка молодняка для канцелярской работы (машинистов, делопроизводителей, коммерческих корреспондентов и секретарей) со знанием стенографии.

В результате, сейчас, когда к 10-летней годовщине государства все подводят итоги своей работы, ВГКС могут смело сказать, что задача, которая им ставилась при их организации, выполнена и ожидания, возлагавшиеся на них, и средства, на них затраченные, вполне оправдались.

Вспоминая весь пройденный путь и, сознавая с радостью успехи своей работы, работники курсов и слушатели приложат все усилия для того, чтобы двигать ВГКС вперед с таким же успехом, с каким они двигали их до сих пор.

М. Лапекин.

Московское научно-стенографическое общество.

Идея создания научно-стенографического общества возникла в среде активных участников работы научно-стенографической комиссии, вскоре после создания совместными их усилиями первого после революции стенографического органа «Вопросы Стенографии».

Устав, выработанный в 1923 году научно-стенографической комиссией, был 18 января 1924 года представлен в Административный отдел Моссовета и утвержден им 25 сентября 1924 года. Согласно этому уставу общество «имеет целью объединение в г. Москве лиц научно работающих в области стенографии, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение

интереса к задачам общества в общественной среде».

18 января 1925 года состоялось организационное собрание членов общества, на котором было выбрано правление и намечены три секции: исследовательская, педагогическая и литературно-издательская. К работе в обществе были привлечены также психология и филология.

Деятельность общества нашла свое выражение в постановке ряда докладов на стенографические темы, об основах унитарной системы, о стенографической жизни за границей, о методах повышения скорости стенописьма, о проблеме замены обыкновенного письма стенографическим, о стенкурсах, об

истории письменности, о психо-физиологической характеристике стенографической профессии.

Ряд докладов был посвящен новым системам и переработкам. Так, были доложены системы: Репина, Фомина, Будкевич, Шацкина (переработка системы Габельсбергера к еврейскому языку); были даны отзывы от имени общества на учебники Гильдебранда, Бермана, Писаревского, Гольдина, Юрковского, Соколова и др. В докладах был освещен ряд попыток создания взамен гражданского письма—упрощенного стенографического (доклад А. Горшкова). Представитель общества (А. Юрковский) принимал повседневное участие в работе стенографических организаций. Общество принимало участие в первом стенографическом радиоконкурсе в апреле 1926 г. Летом 1927 г. был командирован член правления общества за границу для научной работы и для участия в международном стенографическом конгрессе.

В начале 1925/26 академического года наметилась необходимость реорганизации общества, с одной стороны, с целью объединения разрозненных возникших стихийно на курсах научно-стенографических кружков по разным системам, а с другой, ввиду наличия попыток создания параллельных стенографических объединений. Так, еще раньше, в 1923 году была сделана попытка создания Научно-стенографической ассоциации, успеха не имевшая. В 1925 году представителями системы Габельсбергера был подан в Главнауку для утверждения устава Московского объединения стенографов габельсбергериапцев, было решено объединить в МНСО все стенографические силы Москвы, соответственным образом реорганизовав общество. 15 ноября 1925 года состоялось объединенное заседание московских профессиональных и научно-стенографических организаций, созданное Центральным комитетом совторгслужащих, в кон-

И. Протасов.

такте с которым протекала деятельность общества. На этом заседании был окончательно решен вопрос о реорганизации МНСО на основе создания в нем объединений по системам, выделяющих своих представителей вправление общества. Первичной стенографической ячейкой считался кружок на любых курсах стенографии или в любом учреждении. Результатом этой реорганизации было широкое привлечение к участию в работе общества кругов, раньше с ним не связанных—в особенности будущих стенографов, учащихся курсов стенографии. В течение зимы 1925/26 года был создан ряд объединений по системам, которые к началу ближайшего академического года насчитывали в своих рядах значительное число членов.

Посистем. объединения Габельсбергер	121 ч.
»	Терне . . . 69
»	Фалеева . . . 58
»	Сапонько . . . 57
»	Лапекина . . . 25
»	Бурлакова . . . 25
»	Животовского . . . 20
»	Соколова . . . 10

385 ч.

Каждое из этих посистемных объединений занималось разработкой проблем своей системы, заслушивало на общих собраниях доклады о различных переработках данной системы, подготовляло учебники и делало попытки унификации объединения разных переработок данной системы.

Руководство обществом за все время его работы находилось в руках правления, выбираемого на год на общем собрании членов общества. Председатели правления первое время существования общества сменялись довольно часто. Это были: Остроумова, Горелов, Соколов, Владимиров, Протасов. Но в наиболее ответственный момент жизни общества—во время его реорганизации и после этого вся работа по руководству обществом лежала на И. Ф. Протасове, активном участнике деятельности общества с самого начала его существования *).

А. Юрковский.

*) В настоящее время ввиду болезни Протасова его заменил зампред МНСО тов. Даниель-бек, В. И.

О П Е Ч А Т К И В № 11/35.

Напечатано. Следует читать.

На стр. 1-ой	6-ая строка снизу „этом“	том.
„ „ 2-ой	17-ая „ „ „практики и теории“	практики, педагогики и теории.
„ „ 8-ой	5-ая „ сверху „Ласеман“	Ласман.
„ „ „	“ „ „Бигуровская“	Фигуровская.
„ „ „	6-ая „ „ „Стрёва“	Стрёва
„ „ 22-ой	4-ая „ „ „А. Агаронянка“	А. Агароняна
„ „ „	3-ая „ снизу „Старосельского“	Старосельского.

Кроме того, по вине типографии, не точно переданы некоторые стентексты, в частности, на стр. 12-й (Киевских госкурсов) и на стр. 23-й (Юрковского и Сапонько).

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ УКАЗАНЫ НЕПРАВИЛЬНО.

Для практиков.

На год (12 №№)	4 руб.
„ полгода	2 руб. 25 коп.
„ 3 м-ца	1 руб. 25 коп.
Цена отдельного №	45 коп.

Для учащихся и безработных:

(по представлении справок).

На год	3 руб.
„ полгода	1 руб. 50 коп.
„ 3 м-ца	80 коп.
Цена отдельного №	30 коп.

Друзья журнала.

Весть о возможности закрытия журнала вызвала многочисленные и тревожные отклики с мест.

Вот что пишут некоторые друзья «В. С.»:

СТАНКЕВИЧ — Полтава. (Зав. курсами стенографии и машинописи). «Нашей маленькой организацией будут немедленно приняты все меры к тому, чтобы помочь существованию журнала «В. С.», дабы вырвать его из того катастрофического положения, в котором он находится. Нам на местах он дороже, чем кому-либо,—существовать без него—немыслимо».

Слова подтверждаются делом, и вслед за тем тов. Станкевич прислала нам извещение о том, что на 1928 год подписалось все курсанты полтавских курсов, все курсанты г. Лубен, все педагоги, а всего—34 человека.

ШУМИЛОВ — Новосибирск (Завед. курсами стенографии): «Ваше циркулярное обращение № 461 произвело на моих учеников и на меня крайне тяжелое впечатление. Прекращение нашего единственного периодического издания—журнала «В. С.»—означало бы, что русская стенография, как наука и как искусство, не выдержала экзамена на право самостоятельного существования. Если принять во внимание условия, при которых издается журнал, нужно признать, что он поставлен очень хорошо: достаточно полно и интересно по содержанию и весьма прилично, можно даже сказать—изящно по внешности. Следует отметить также, что подписная плата на журнал поражает своей дешевизной. Самое же существенное то, что все нужное и полезное, что совершается в области стенографии, все это делается группой работников, обединившихся вокруг журнала. Не будет журнала—и продвижение стенографии замрет.

Все стенографы, в том числе и будущие, должны поддержать свой журнал. *Мои ученики решили*, не ожидая, что будет сделано МК, провести на курсах подписку на журнал через своих уполномоченных, причем последние отказываются от 16% вознаграждения в их пользу.

Лично я перевожу в Ваш адрес годовую подписку и плату за четыре экземпляра журнала «В. С.» на 1928 год, из коих 2 экз. прошу высыпать мне, 1—в Новосибирскую центральную библиотеку, и 1 в Томскую центральную библиотеку.

Я. ЕВФАНОВ — Ростов на Дону (Председатель Комитета стенографов и преподаватель на курсах «Полиглот»).

«На ближайшем же заседании Комитета подниму кампанию за журнал, постараюсь не оставить без внимания ни одного из имеющихся на учете комитета стенографов. На ближайшем общем собрании тернистов, а также на общем собрании стенографов поставить особые доклады и организуем прием подписки на журнал.

Кампания будет начата сначала за 2-ю половину 1927 г., а затем на 1928 год. В результате надеюсь по Ростову дать 100 подписчиков, из них 50% на 2-ю половину 1927 г., а на 1928 год—все 100 человек.

Отстаивайте журнала, попросите срок до декабря, подтяните другие города, особенно педагогов и комитеты, и журнал спасете...

И. ДАУМАН — Ленинград (Преподаватель). «.... Думать, что журнал может умереть—это просто ужасно, ведь, тогда прости—прощай вся работа! Ведь нам никакой журнал, никакая газета не дадут места... Это не может быть допущено, это не должно быть допущено... Ведь стенография—это одно из реальнейших достижений десятилетия... Мы только, только получили право сказать: русская стенография существует... У нас еще нет такого всесоюзного общества стенографов, которое могло бы само издавать журнал и до образования такого общества союз не должен прекращать издания... Необходимо срочно организовать на местах институт уполномоченных по поддержке журнала....»

УЧАЩИЕСЯ ГРУППЫ т. МАЧАВАРИАНИ — Рязань. Мы поможем тов. Мачаварини провести на вновь открывавшихся курсах широкую кампанию по подписке, так как мы пришли к глубокому убеждению, что только на страницах нашего общего журнала «В. С.» можно освещать и тем самым изживать волнующие нас факты.

ХАРЬКОВСКИЙ КОМИТЕТ поместил статьи о поддержке журнала в выпущенном им к 10-летию Октября № журнала «Крылатое Перо».

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ поставил доклад о журнале на одном из заседаний Комитета, а затем на общем собрании и развел энергичную подписную кампанию.

Стенографы СССР энергично взялись за проведение лозунга—каждый стенограф—подписчик журнала—и мы надеемся, что при их дружной поддержке, мы отстоим журнал.

Ответственный редактор Р. Вексман.

Издатель ЦК ССТС.

Мосгублит № 50.074.

Зак. № 221.

Тираж 2.000.

«Мосполиграф», типо-цилин. «Мысль Печатника», Петровка, 17.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928-й год на ЕДИНСТВЕННЫЙ в СССР

Стенографический Иллюстрированный Журнал

„ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ“

ОРГАН ЦК ССТС

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ:

КРОМЕ ОБЫЧНЫХ ОТДЕЛОВ, В ЖУРНАЛЕ ВВОДИТСЯ СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ, В КОТОРОМ ЧИТАТЕЛИ ПОЛУЧАТ ОТВЕТ НА ВСЕ ЗАПРОСЫ О ТОМ, КАК ПИСАТЬ ПО ЛЮБОЙ СИСТЕМЕ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

На год (12 №№)	4 р.	—
Для учащихся и безработных (по представлении справок) . .	3 р.	—
На полгода	2 р.	50 к.
(по представлении справок) . .	1 р.	75 к.
На 3 месяца	1 р.	50 к.
(по представлении справок) . .	—	90 к.
Цена отдельного №	—	50 к.
(по представлении справок) . .	—	30 к.

Годовые подписчики, подписавшиеся до 15/I—28 года
могут вносить плату в рассрочку:

до 15/I — 2 р., до 15/II — 1 р., и до 15/III — 1 р.

(Учащиеся и безработные в те же сроки по 1 р.)

За границу — на 1 г. — 6 р., $\frac{1}{2}$ г. — 4 р.; $\frac{1}{4}$ г. — 2 р.